

фигуре средний термин — предикат, а в третьей — субъект по отношению к большему и меньшему терминам [3].

Аристотель разделил все силлогизмы на «совершенные» и «несовершенные». «Совершенные» силлогизмы — это, по сути, аксиомы силлогистики: не требующие доказательства и недоказуемые самоочевидные утверждения. «Несовершенные» силлогизмы лишены очевидности и доказываются. [3].

Если не существует термина среднего по отношению к А и В, то предложение «А присуще В» будет «непосредственным». Недоказуемые непосредственные положения, или «начала», составляют фонд основных истин [3].

Аристотель указывает способы, сведения всех модусов второй и третьей фигур силлогизма к модусам первой. В системе логики Аристотеля сведение есть не что иное, как доказательство модусов второй и третьей фигур в качестве теорем при помощи модусов первой фигуры. Для логической теории Аристотеля сведение — необходимая составная часть этой теории [3].

Аристотель развил систематическое исследование силлогистических форм. В нем он, во-первых, доказывает истинность некоторых из них и, во-вторых, доказывает ложность остальных. Подробности этого исследования принадлежат не истории философии, а логике, где они и рассматриваются [3].

Литература

1. Демидов И.В.. Логика: Учебное пособие для юридических вузов / Под ред. доктора философских наук, проф. Б.И. Каверина. – М.: Юриспруденция, 2000 – 208 с.
2. Билецкий И.П., Кузь О.Н., Черненко В.А. Логика: учебное пособие для студентов вузов / И.П. Билецкий, О.Н. Кузь, В.А. Черненко. – К.: Кондор, 2007. – 148 с.
3. Владимир Соловьев [Текст] / В. Ф. Асмус. – М. : Прогресс, 1994. – 208 с.

СООТНОШЕНИЕ КОГНИТИВНОГО И ЦЕННОСТНОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И. КАНТА

Смоляга М.В.

*Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»
г. Харьков, Украина*

Исследования проблем современной эпистемологии показали, что ее дальнейшее развитие возможно осуществить, лишь рассмотрев познание в его антропологических смыслах и аспектах, стремясь преодолеть тем самым абстрактный гносеологический подход, упускающий из виду и по существу утрачивающий в качестве своего предмета человека как такового. В современную эпистемологию приходит новое видение и самого познания, его теории как эпистемологии, и понимания ценностей, их особой роли, не только внешней, но и имманентной знанию, неотъемлемой от познавательной деятельности в целом. Возникает потребность заново осмыслить предложенную в работах И. Канта концепцию трансцендентального и диспозиционного подходов к ценностям, а также более основательно использовать опыт естественных и гуманитарных наук в этой сфере. Все это делает особенно актуальным обращение к трудам И. Канта, посвященным этическим проблемам научного познания.

Одной из важнейших особенностей кантовской теории является диалектика теоретического и практического разума. Как представляется, философское разграничение

познавательного и ценностного восходит к его противопоставлению теоретического разума, направленного на познание сущего, и практического, обращенного к человеческой морали – особому миру должного. В этом мире господствует нравственный закон, абсолютные свобода и справедливость, стремление человека к добру. Мир морали автономен и не может быть познан с помощью теоретического разума. Кант неоднократно подчеркивал, что последний оказывается бессильным перед многими им же самим сформулированными вопросами этического порядка. В их числе, например, вопрос о том, как может человек быть заинтересован в исполнении нравственного закона, противного его естественным стремлениям. Если теоретический разум должен был «начинать с созерцания... с чувственности, только от них перейти к понятиям... и завершиться основоположениями» [2, с. 58], то метод практического разума, а, следовательно, и метод познания «мира должного», ценностей – иной. Здесь необходимо «от общего, т.е. от морального принципа через подведение возможных поступков под это общее идти к заключению, а именно к субъективному определению воли...» [2, с. 75]. В этой работе мы вновь встречаемся с феноменами первой «Критики»: временем как условием внутреннего созерцания, чувственностью и рассудком, дискурсивным и интуитивным, внутренним и внешним опытом, но контекст уже другой, здесь они рассматриваются как проблемы эмпирического субъекта. Теперь можно обсуждать «обвинения и оправдания» чувственности, доказывать, что чувственное созерцание и мысль об объекте зависят «не только от свойств объекта представления, но и от свойств субъекта и его восприимчивости»; рассматривать способность познания как способность обозначения. Но вместе с тем опять, как и в первой «Критике», подчеркивается неправомочность смешения психологического (прикладного) и логического (чистого) сознания, что, например, делается в случае отождествления психологами понятий внутреннего чувства и апперцепции как свободной интерпретации понятия Канта. Как известно, каждая интерпретация Канта несет на себе следы герменевтического принципа «понять автора лучше, чем он сам себя понимал». Соответственно высвечиваются те смыслы, которые могут присутствовать в текстах Канта только имплицитно, а главное появляется возможность развить кантовскую проблематику в интересующем интерпретатора направлении.

Учение Канта о регулятивных функциях, максимам чистого разума, а также об априорных основоположениях, выражая идею активности субъекта, подводит вплотную к проблеме ценностных, мировоззренческих предпосылок, оснований, идеалов и норм, выявлению их фундаментального значения, наряду с эмпирическим знанием, в становлении теории. Именно здесь заложена возможность расширить представления о ценностях и их социокультурной природе, а также их роли в самом знании, его росте и развитии, построении и обосновании, что приобрело особое значение в связи с развитием учения о социокультурной обусловленности познания. Кант, исследуя априорные основоположения и принципы познавательной деятельности, по существу, характеризует такие эпистемические формы, в которых органически сочетаются собственно когнитивные и идущие от социальной практики, культуры регулятивы и принципы, т.е. тем самым намечаются пути философско-теоретического рассмотрения проблемы «когнитивное – ценностное». Если сегодня традиционно и утверждается, что под влиянием ценностей происходит «деформация» познания, его результатов, то Кант видел причины ошибок и иллюзий теоретического разума как раз в отсутствии контроля со стороны морального сознания. Но в то же время он не обольщается относительно интенций практического разума, который старается включить теоретический разум в свои границы. Отсюда естествен тот выход, который видит Кант: «Быть может, когда-нибудь удастся постичь единство всей способности чистого разума (как теоретического, так и практического) и можно будет все выводить из

одного принципа, а это неизбежная потребность человеческого разума, который находит полное удовлетворение только в полностью систематическом единстве своего познания».

Таким образом, в фундаменте познавательной деятельности лежит соотношение теоретического и практического разума, или, в современной интерпретации, – диалектика когнитивного и ценностного, их взаимопроникновение и взаимодополнение. Только в этом случае разум не сможет вольно гипостазировать мыслимое, но не существующее, будет введен в рамки гуманистических требований, а также могут быть преодолены различного рода иллюзии, видимости, возникающие из нравственных идеалов справедливости, всеобщего блага и т.д.

Литература

1. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – М. : РОССПЭН, 2007. – 439 с. (Серия «Humanitas»).
2. Кант И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М. : Прогресс, 1994. – 354 с.

ДУХОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ДИСКУРСЕ ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИКИ

Сталин А. В.

*Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»
г. Харьков, Украина*

Философская часть общественных наук все еще находится в стадии формирования. Это относится и к философии политологии, и к философии правоведения, и к философии социологии, и даже к философии экономики — бесспорного лидера в перечисленном ряде концепций [1]. В отличие от экономической теории, анализирующей конкретные формы экономических отношений, структурные элементы экономики, философия экономики ориентирована на понимание общих, универсальных закономерностей развития хозяйственно-экономического мира. В центре ее внимания находятся принципиальные вопросы природы экономики, тенденции формирования материальных условий жизни человека и общества в целом. Философский угол зрения предполагает также выявление сущности *поведения* и *деятельности* человека в экономической сфере. [2]. *Философия экономики* — новая, активно формирующаяся отрасль философского знания. Развитие этого направления соответствует усилению влияния рыночных принципов организации социума на все сферы жизнедеятельности человека, а также акцентирует необходимость развития именно практической философии на современном этапе. В этом плане определенный научный интерес вызывает анализ проблемного поля *философии экономики*, подходов к его осмыслению, особенностей эмпирической базы и методологического инструментария [3]. Это и выступает *целью* подготовки данного доклада.

Проблемные поля современной философии экономики. В.А. Канке отмечает, что «состояние современной отечественной философии экономики с ее все еще не преодоленным советским наследством таково, что приходится соответствующий образец искать за рубежом.» [1, с.4]. Из зарубежных авторов, в развитии философии экономики более других преуспели англичане и американцы. В частности, речь идет о трудах М. Фридмана, М. Блауга, Д. Хаусмана, Т. Хатчисона, Б. Колдуэлла. По мнению В.А. Канке, во-первых, авторы книг и основополагающих статей о философии экономики, как правило, тяготеют к экономике в значительно большей степени, чем к философии наук и, тем более, к философии. Во-вторых, в философии науки они ориентируются исключительно на традицию, идущую от британских и, отчасти, американских философов. Достижения континентально-европейской философии с ее